

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Расстрел узников концентрационных лагерей в Пальмникене (пос. Янтарный Калининградской области) 31 января 1945 года – последний акт Холокоста в истории II-ой Мировой войны

Настоящая справка составлена на основе:

- свидетельских показаний уцелевших после расстрела в Пальмникене узников концлагеря Штуттхоф: Доры Гауптман, Целины Манилевич (Мошкович), Дины Герцберг (Бляхман), Ханы Ойзерович (Клиновской), Фриды Клайнман (Габрилевич), Брониславы Кракауэр;
- донесения зам. Начальника политотдела 25 тбр майора Лашнева начальнику политотдела 29 тк подполковнику Гроному от 06.02.1945 г.;
- показаний представителей немецкого населения г. Пальмникена о зверствах гитлеровцев над советскими гражданами от 29.05.1945 г.
- материалов уголовного дела N 2JS 369/64 по процессу в Люнебурге (1963-1965 гг.).
- статьи «Последний расстрел евреев».
- Atlas of the Holocaust. Gilbert Martin, New York, William Morrow and Company Inc./ 1993, p.217.

Прошедший двадцатый век был одним из самых кровавых в истории человечества. Расовые и националистические теории, взращенные фашистской идеологией, вылились в геноцид целых народов. Уничтожение евреев - Холокост - унесло шесть миллионов человеческих жизней. Места массового уничтожения людей - Освенцим, Треблинка, Майданек, Бабий Яр известны сегодня всему человечеству. К ним можно добавить ещё целый ряд географических названий мест, где зверски умерщвлялись ни в чём не повинные женщины и дети. В этом ряду стоит и Пальмникен в Восточной Пруссии - так раньше назывался Янтарный.

Бывшая Восточная Пруссия занимает в истории Холокоста особое место. Страшное дыхание погромов обожгло этот край еще в тридцатые годы. Здесь, в Кенигсберге, как и в других крупных городах Германии, начиналась трагедия европейского еврейства. Город пережил ночь с 9 на 10 ноября 1938 года, когда была сожжена самая большая синагога, разорены приюты и сиротский дом, разграблены квартиры евреев. После начала войны последовали депортация и путь в лагеря смерти. Подобное произошло и во всех малых городах края. В Пальмникене незадолго до окончания войны прошла одна из последних массовых акций по истреблению евреев. Раньше считалось, что Холокост закончился 27 января 1945 года - в день освобождения Освенцима. Однако на Янтарном побережье в Пальмникене 31 января 1945 года под пулями фашистов и их приспешников приняли мученическую смерть тысячи согнанных из концлагерей евреев, в основном молодых женщин.

Преступления против человечества не имеют сроков давности. В цепи этих преступлений и массовый расстрел на берегу Балтийского моря...

Был конец войны. Фашисты срочно заматали следы своих преступлений. Из рвов вытаскивались трупы и сжигались на гигантских кострах. Ликвидировались гетто и лагеря смерти. Оставшихся в живых узников сгоняли в перевалочные лагеря. Узников гнали пешком, в мороз, нещадно убивая в пути - эти пешие походы вошли в историю Холокоста под названием - «марши смерти». В районе Штуттхофа под Данцигом были устроены перевалочные лагеря для уцелевших евреев. Это были в основном молодые женщины из Лодзинского гетто и из Венгрии, доведённые голодом до крайнего истощения. На их телах едва держались рваные лохмотья, на ногах были деревянные колодки, некоторые ходили вообще босиком. Была и небольшая группа мужчин - узников Вильнюсского гетто.

Советские войска стремительно наступали. В середине января 1945 года концлагерь Штуттхоф был отрезан от Кенигсберга внезапным наступлением наших войск. К тому времени концлагерь оброс «филиалами» в соседних городах. Сколько человек содержалось в этих лагерях, установить не удалось. Предвидя скорый приход советских танков и пехоты фашисты по приказу гауляйтер Восточной Пруссии Эриха Коха начали ликвидацию перевалочных лагерей, заключенных-евреев решили стянуть под Кенигсберг. Из перевалочных лагерей начали выводить узников 15 января 1945 года. Конвоировали их полицаи - украинцы и эстонцы из карательных групп Тодт и Хивис. Стоял двадцатиградусный мороз, и никто не считал, сколько

женщин упало в придорожные канавы, и сколько было убито конвоирами. Тех, кто добрал до Кенигсберга, разместили в перевалочном лагере и в цехах шпагатной фабрики.

Но в столице Восточной Пруссии никто не знал, что делать с заключенными. Комендант Штуттхофа отдал приказ вернуть всех узников в свои лагеря. Но как? Краткий путь по суше вдоль залива был уже недоступен. Так судьбу заключенных передоверили эсэсовцам и гестапо. Решено было гнать узников дальше на запад. Больных и тех, кто не мог идти, расстреливали или взрывали прямо в бараках.

Почти не дав отдыха измученным жертвам, из Кенигсберга их погнали в Пальмникен. Никакой еды узники не получили. Обречённых на смерть расчётливые фашисты не думали кормить. 120 бандитов из отрядов Тодт и Хивис, а также 25 эсэсовцев вдоволь поиздевались над беззащитными женщинами в этом жестоком марше смерти. Спасшаяся узница Анна Клиновская вспоминает: «... ночью нас разбудили и выгнали из фабрики. Мы чувствовали, что готовится что-то ужасное. Надзирательницы начали нас бить по головам, стрелять в людей... Конвоиры стреляли направо и налево - прямо в лицо. В стороне стояли два пожилых немца, я слышала, как один из них сказал украинцам: «Собак не стреляют в рот, а вы стреляете людей в лицо». С того момента они стали стрелять в спину или в затылок. Была сильная пурга - ветер, шёл сильный снег...»

Командовал конвоем обершарфюрер Франц Вебер. Неизвестно сколько было убито в пути. Спорят и о том, сколько же вышло из Кенигсберга. Фашистам было не до подсчётов, советские войска уже вошли в Восточную Пруссию. Сегодня называют разные цифры. Уцелевшие узницы говорят о десяти тысячах, немецкая сторона определяет - пять тысяч. Жители Пальмникена свидетельствуют о том, что дошло туда четыре-пять тысяч. Можно твёрдо считать, что половина узников погибла в пути. Совершившая побег Целина Манилевич пишет в своих воспоминаниях: «... нам ничего не давали есть... Всякий раз, когда кто-то наклонялся взять в ладони немного снега, охрана стреляла».

Голодные женщины, почти раздетые брели в двадцатиградусный мороз, подгоняемые ударами прикладов. Фашисты стреляли в тех, кто отставал, кто казался больным, кто хромал. Некоторые женщины сами просили убить их, не выдерживая мучительного марша. Некоторые находили силы бежать. Но большинство беглецов настигали пули. Вся дорога от Кенигсберга до Пальмникена была усеяна трупами. Вот что свидетельствует житель Пальмникена Франц Фогель:

«Я сам видел на шоссе вблизи Пальмникена много трупов зверски убитых невинных и измученных людей. Шоссе было покрыто не только трупами, но и лужами крови и частями человеческих черепов. Думаю, что в Пальмникен прибыло живыми 4 тысячи этих несчастных. По обе стороны шоссе в лесах находится очень много могил, которые может указать местное население. Ферстер Мартер из Гумбиннена знает много могил в районе Гумпенер-Вальж, где жестоко умерщвлённые люди в течение месяца лежали сваленные в кучи и только потом были зарыты. Эти трупы частично были съедены лисицами, собаками, поклёваны вороньём».

Другой житель Пальмникена Пиперт рассказывает:

«Шоссе и кюветы были буквально завалены убитыми людьми. Видел, как две, видно тяжело раненные женщины, уползали в лес. Их стали преследовать. Они заламывали руки и умоляли не расстреливать их, но были избиты эсэсовцами и застрелены...»

К моменту выхода колонны из Кенигсберга времени уже было принято окончательное решение об уничтожении всех оставшихся в живых узников лагерей. Способ уничтожения представил директор Кёнигсбергских янтарных заводов Герхард Раш, предложив замуровать узников в большие пустующие штольни янтарного завода в Пальмникене и в этих штольнях уничтожить их газом или взрывами, предварительно засыпав входы землёй. Исполнить это варварское действие должно было гестапо, которым командовал Курт Горниг, главным исполнителем должен был стать шеф отделения гестапо гауптштурмфюрер Вильгельм Зонненштейн. В Пальмникен (теперь Янтарный) колонна пришла поздно ночью 27 января. Несколько дней заключенные провели в слесарных мастерских янтарного комбината. Инспектор земельных имений показал впоследствии, что в слесарню загнали около четырех тысяч узников. Выяснилось, что первоначальный план – загнать всех узников в штольню шахты Анна и затопить – неосуществим. Вариант с уничтожением людей в пустых штольнях вызвал протесты местных деятелей. Директор янтарного предприятия Ландман негодовал, он беспокоился о том, что пострадают находящиеся в штольнях системы водоснабжения и воду нельзя будет употреблять. Против уничтожения узников выступил руководитель местного фольксштурма Фейербэнд. Он был майором резерва, был награждён во время первой мировой войны и был уважаем всеми жителями. Свидетели рассказывают, что этот майор накинулся на начальника конвоя Вебера, говорил с гневом, что Вебер опозорил немецкий мундир, уничтожая женщин в дороге. Вебер

пытался оправдываться: мол, стреляли в женщин литовские и эстонские полицаи. Фейербанд довольно смело заявил, что принимает сам ответственность за судьбу узников и не позволит уничтожать их в Пальмникине, ибо не хочет, чтобы его родной город вошёл в историю, как место убийств. Файербанд даже приказал выдать узникам кофе и продукты. Жители собрали хлеб и картошку и передали в слесарню. Истомлённые узники, едва ли могли проглотить пищу, с отмороженными руками и ногами, сонные и обессиленные они ждали неминуемого конца и жаждали, чтобы скорее закончились мучения.

Эсэсовское начальство тоже было заинтересовано в скором уничтожении узников. 30 января 1945 года мешающий их планам Фейербанд был послан с отрядом фольксштурмовцев на фронт. А на следующий день в Пальмникен привезли его труп. Он покончил с собой, получив разное письмо от командования СД из Кенигсберга.

В это время Франц Вебер ждал какого-то приказа. Приказ поступил 31 января. Как свидетельствуют документы, 31 января в район Пальмникена прибывают два высокопоставленных эсэсовца (Курт Горниг и Вильгельм Зонненштейн). Они отдают приказ Веберу, который он не может не выполнить.

Вечером 31 января 1945 года узников вывели из слесарни и построили в колонну. При этом немногочисленных мужчин поставили в конце колонны. Конвоиры рассказывают узникам, что ведут их в Пиллау (Балтийск), чтобы оттуда морем доставить в Штуттхоф или в Швецию, где им предоставят работу и питание. Стемнело. Колонны повели вдоль берега. Людей гонят по кромке берега моря. Глубокий снег, пурга. Температура – минус 20. На многих вместо одежды и обуви накручена бумага. Затем от конца колонны отрезали пятьдесят человек и стали выстрелами гнать в море. Потом отделили ещё пятьдесят человек. Началась паника. Мужчины бросились на фашистов. Пулемётные очереди быстро прекратили сопротивление. И всё же отдельным узникам удалось бежать. Таких было около двухсот человек. Вот что рассказывает Хана Ойзерович (Клиновская):

«Вся наша группа оказалась уже в море. Рядом застреленные. Я слышала, как хрипели сестры Сонненштейн, трясла, звала их, но никакого ответа. Я лежала на льдине, на меня бросили убитую, они думали, что я мертва.

Позже всё затихло. Недалеко от меня лежала Регина из Лодзи... Она была жива, услышав мой голос, отозвалась и спросила: «Ганка, ты жива?» Сознание моё работало, я решила не поддаваться смерти, хотя в первые минуты хотела утопиться, чтобы больше не мучиться.

Поднялась, ходила по трупам. Впереди меня нагромождение льда, через которое с трудом перебралась. Со мной шла Цельникер и ещё одна, не из нашего лагеря. Она, казалось, была не в своём сознании. Вместе вышли из моря, забрались на высокий берег, кругом всё было покрыто снегом, и мы руками засыпали, маскировали наши следы, чтобы нас не обнаружили.

Издали видела, как из моря пытались выбраться другие, но они были ранены и не смогли преодолеть горы льда. Через некоторое время мы услышали скольжение саней и немецкую речь - «моё пальто где-то пропало». Это были эсэсовцы. Потом были слышны выстрелы, после которых уже больше не слышно было ни единого стога со стороны моря...

Вскоре слышна стала немецкая речь: «Здесь люди в воде! Это, видимо, евреи! Мы должны об этом заявить бургомистру!» Это были жители окрестных деревень, привлечённые сюда криками и стрельбой в ночи...»

Другая спасшаяся узница Целина Манилевич рассказывает:

«... Я находилась в шипящем и клокотавшем море, в маленькой, частью замёрзшей бухте на груде мёртвых и раненых, но ещё живых людей. Весь берег, насколько я могла видеть, был покрыт ещё не затонувшими трупами, и я тоже лежала на одной такой горе трупов, которая всё время оседала глубже и глубже. Вплотную ко мне были прижаты Геня Вайнберг-Бидерман и Маня Цвейг-Глейман, а у моих ног лежала Фела Левкович. Тяжело раненная, она приподнялась и крикнула стоявшему в нескольких метрах конвойному: «Герр конвоир, я ещё жива!» Конвойный прицелился и выстрелил ей в голову, она упала сражённая. Вдруг меня ущипнула моя подруга Геня, которая тоже от холодной воды пришла в сознание и прошептала мне: «Не высовывайся!» Так мы лежали какое-то время, я, собственно, не помню, как долго, и совсем замерзли. Вдруг появились эсэсовцы, кричавшие «поднять головы!» Некоторые раненные, которые были ещё живы и были в силах последовать этому приказу, были тотчас пристрелены. После этого эсэсовцы ушли... С большими усилиями начали мы карабкаться вверх по склону горы... Нас тошнило, так как мы наглотались морской воды... Стоял двадцатипяти градусный мороз. Мы были покрыты ледяной коркой и не могли двигаться...»

На следующий день после расстрела бургомистр Пальмникена Курт Фридерикс набрал из подростков-гитлерюгондецев поисковые группы, так называемых зухкомандосов. Вооружённые карабинами и автоматами они были вовлечены в кровавую камарилью. Некоторые делали это

охотно. Убивать беззащитных женщин было легко. Особо отличились такие члены гитлерюгенда, как Ганс Гюнтер, Балгуенн, Ауксхун, Лилиенталь, Зур и Каршау. Поиски сбежавших продолжались несколько недель. Пойманных тотчас расстреливали. Местные жители опасались пускать к себе уцелевших при расстреле. Но были и те, кто проявил мужество и у кого сохранилось человеческое достоинство. Так Дору Гауптман спасла местная жительница Берта Пульвер, семья Гардеров спасла Целину Манилевич, среди тех, кто дал приют несчастным женщинам называют Бидерман, Глатман и Гертл... Упомянутая уже Хана Ойзерович (Клиновская) была спасена Циммерманами в деревне Нодемс. Вот что она рассказывает:

«Мы подошли к деревянному дому и рискнули войти в него. Хозяин, сразу же узнав, что мы еврейки, закричал: «Уходите вон, я непременно заявлю, что здесь евреи!» Мы убежали и наперерез через поле прибежали к другой деревне. Около дома стояли старик и старушка. Они тоже сразу узнали, кто мы такие, но приняли в дом. У нас были бритые головы, мы были мокрые. Здесь стояли дети, они стали кричать: «Это евреи!..» - «Евреи тоже люди», - сказал старик и прогнал детей. Были и те, кто прятал спасшихся женщин в надежде, что те замолвят за них слово, когда придут советские солдаты. Ведь вдали уже слышались разрывы артиллерийских снарядов...

32-ая дивизия советских войск вступила в Пальмникен 15 апреля 1945 года. Фашисты к тому времени сделали всё, чтобы скрыть следы массового убийства. Но уцелели свидетели - спаслись из бежавших узников 13 человек. При устройстве артиллерийского полигона солдаты натолкнулись на сотни трупов. Были обнаружены могилы, в них тела с лагерными номерами на руках, на рукавах одежды - шестиконечные звёзды Давида. Была создана комиссия по расследованию массового убийства, которую возглавил генерал-майор Данилов. Началось следствие. Не успевших убежать пацанов из «гитлерюгена» публично расстреляли, а жителей заставили голыми руками выкапывать из песка трупы и перезахоранивать. Поставили красные звёзды и сделали надписи: «Вечная память советским людям, павшим от рук фашистских захватчиков». За памятниками ухаживали. Затем ухаживать перестали. Сегодня уже неизвестно, где это захоронение. Поэтому установленный в Янтарном мемориальный камень, напоминающий о трагедии, стоит на условном месте.

На протяжении 20-ти лет после войны разыскивались преступники, участвовавшие в злодеяниях в Пальмникене. В 1958 году бывший солдат Вермахта Альфред Крамберг даёт показания в прокуратуре ФРГ об этих событиях. Появляются и другие сведения об эсэсовской акции на пальмникенском пляже. Вскоре этим делом занимаются десятки сотрудников прокуратуры по всей Западной Германии. Опрошены сотни свидетелей, сделаны сотни запросов. Выясняется, что эсэсовцы, доставившие в Пальмникен приказ об акции возмездия, скорее всего погибли в боях под Кенинсбергом. Свидетельства о смерти обершарфюрера Фритца Вебера обнаружено не было. Его находят в апреле 1964 года в городе Киле. Он не скрывается, указывает в анкетах, что был полицейским. Добропорядочный отец двоих детей, добросовестно работает в министерстве культуры, часто делает пожертвования в местную церковь, вступает в члены правящей партии (ХДС). Почти год за ним следят. А сразу же после Рождества выдают ордер на его арест. Дело ведёт прокуратура города Люнебург. Есть документальные свидетельства: главный обвиняемый Фритц Вебер на первом же допросе говорит об акции возмездия за транспорт «Вильгельм Густлофф». Он даёт показания. Да, он привел колонну. Да, две тысячи человек были уничтожены в пути и три – на берегу. Он не стрелял. Хотел убежать, но помнил, что за дезертирство платят свободой и жизнью родителей. А ещё он говорит, что «евреев расстреляли из-за того, что русская подлодка пустила на дно «Вильгельм Густлофф», что это «законная акция возмездия». В 1965 году обвиняемому Веберу нечего бояться. Ещё действуют сроки давности за такие преступления. Срок давности за преступление Фритца Вебера истекал через две недели. Следствие явно будет длиться дольше. Да, будет суд, признают виновным и... освободят от наказания по сроку давности. Но за 11 дней до истечения этого срока обвиняемого находят повесившимся в тюремной камере. Фритц Вебер сам вынес себе приговор и сам привел его в исполнение. Следственное дело было прекращено по причине смерти обвиняемого.

В июле 2005 года генеральный консул ФРГ в Калининграде Корнелиус Зоммер передал главному раввину области Давиду Шведику материалы уголовного дела N 2JS 369/64 по процессу в Люнебурге (1963-1965 г.) – фотокопии более чем пяти тысяч страниц.

Возможно, многие бывшие гитлерюгендовцы мирно доживают свой век. Сегодня уже не идет речь об отмщении. Важно, чтобы подобное никогда не повторилось. Но всё чаще прослеживается желание не вспоминать кровавую бойню. Преступления против человечества не подлежат забвению. Но, увы, уроки истории часто забываются.

Трагедия эта долгое время замалчивалась. Впервые о ней поведал миру Мартин Бергау, немец, очевидец, опубликовавший в Германии книгу «Парень с янтарного побережья». Встречена эта книга была неоднозначно, многие выходцы из Восточной Пруссии не хотели, чтобы их родина, их «потерянный рай» стал известен, как место кровавых расправ. В январе 1945 года Мартин Бергау – 16-летний парень из прибрежного Пальмникена – состоял в местном Гитлерюгенде и очень гордился этим. То, чему Мартин оказался свидетелем, перевернуло его сознание. Свои показания о пальмникенском расстреле Бергау передал в израильский мемориал «Яд ва-Шем», где они были опубликованы вместе с другими свидетельствами. К настоящему времени Мартин Бергау собрал свидетельства и документы о пальмникенской трагедии, которые составили его новую книгу «Окончательное решение на балтийском побережье».

Почти во всех упоминаниях о Пальмникенском расстреле в Германии стараются уменьшить количество убитых.

В нашей прессе в доперестроечные годы тоже старались замалчивать масштабы Холокоста. Рвы с тысячами убитых заросли травой, на месте расстрелов строились новые дома. О Пальмникенском расстреле в нашей области мало кто знал. В 1955 году журнал «Новое время» поместил статью израильского исследователя Шмуэля Краковского «За четыре месяца до Победы». Но даже эта статья не нашла отклика у калининградской общественности. И только в 1999 году, когда в местной газете «Дворник» была опубликована статья калининградских журналистов Александра Адерикина и Алексея Шабунина «Марш смерти: марш забвения?» - о кровавом событии широко заговорили. Силами еврейской общины на месте расстрела был установлен небольшой памятный знак, сюда стали приезжать люди, чтобы отдать дань памяти жертвам геноцида.

Но всё же и сегодня приходится констатировать, что событие не нашло ещё своего историка и далеко не все жители нашей области знают о происшедшем. Незнание прошлого, замалчивание преступлений нацизма приводят зачастую к повторениям трагедии. Опаснейший синдром геноцида вновь произрастает на земле. У нас, в нашем крае, мы можем наглядно познать и объяснить людям, к чему приводит человекофобия.

До сих в России о пальмникенском расстреле рассказывает единственная книга «Кровоточащая память Холокоста», изданная в Калининграде обществом еврейской культуры «Шофар» малым тиражом. Достойного памятника на месте расстрела до настоящего времени не установлено. Утверждают, что этот расстрел не столь значителен в цепи всех жертв, приводят сведения о сотнях тысяч павших. Но есть одно отличие - жертвами массового расстрела стали совсем молодые женщины, они ещё не успели завести семью, не успели родить и стать матерями. Геноцид прервал цепочку их рода. Они были убиты только за то, что родились еврейками.

Земля бывшей Восточной Пруссии обильно полита кровью, здесь шли жестокие бои, и примечательно то, что рядом с памятным знаком на месте гибели узников стоит небольшой памятник погибшим советским лётчикам.

**Руководитель Информационного
отдела Мемориала «Яд ва-Шем»,
Иерусалим, Израиль**

Рита Марголина

**Представитель Еврейской
общины г. Калининграда**

Н.Г. Копычина-Лоренс